

Джек Алтаузен



(1907–1942)

Родина смотрела на меня

Я в дом вошел, темнело за окном,
Скрипели ставни, ветром дверь раскрыло, —
Дом был оставлен, пусто было в нем,
Но все о тех, кто жил здесь, говорило.

Валялся разный мусор на полу,
Мурлыкал кот на вспоротой подушке,
И разноцветной грудюю в углу
Лежали мирно детские игрушки.

Там был верблюд, и выкрашенный слон,
И два утенка с длинными носами,
И дед-мороз — весь запылится он,
И кукла с чуть раскрытыми глазами.

И даже пушка с пробкою в стволе,
Свисток, что воздух оглашает звонко,
А рядом, в белой рамке, на столе,
Стояла фотография ребенка...

Ребенок был с кудряшками, как лен,
Из белой рамки, здесь, со мною рядом,
В мое лицо смотрел пытливо он
Своим спокойным, ясным синим взглядом...

Стоял я долго, каску наклоня,
А за окном скрипели ставни тонко.
И Родина смотрела на меня
Глазами белокурого ребенка.

Зажав сурово автомат в руке,
Упрямым шагом вышел я из дома
Туда, где мост взрывали на реке
И где снаряды ухали знакомо.

Я шел в атаку, твердо шел туда,
Где непрерывно выстрелы звучали,
Чтоб на земле фашисты никогда
С игрушками детей не разлучали.

1941 г.



Александр Артемов



(1912–1942)

Наступление

Пугливо метнулись вороны
Над врытыми в снег валунами.
Вся в оспинах черных воронок
Поляна легла перед нами.

Немного правей, у болота,
Где бой завязался, наверно,
Как дятлы, стучат пулеметы,
Упорно и чуточку нервно.

Мы прыгаем с кочки на кочку,
Ложимся, за ротою рта,
И ухает глухо, как в бочку,
За спинами бас миномета.

«Вперед!..» Поднимаемся молча,
Повзводно, готовые к бою.
Над нами тягуче, по-волчьи,
Снаряды бризантные воют.

Невидные лыжные тропы
К поляне ведут, а за нею
От едкого дыма темнеют
В пологих сугробах окопы.

До них недалеко. Мы снова
Встаем, ожидая приказа.
Короткое резкое слово
По ротам проносится сразу.

«В атаку!..» Четыреста глоток
«Ура!» понесли, подхватили
На скованных льдами болотах,
В наносах серебряной пыли.

Когда же надолго устали
Гранаты греметь,
Над штыками
Деревья, как пленные, встали
С простертыми к тучам руками.

Март 1940 г. Москва

Корабли уходят в море

Едва приподнимутся флаги
Над ровною гладью залива
И дрогнут в зеленых глубинах
Прожорливых рыб плавники, —
Над берегом белые чайки
Вливаются стаей крикливой,
И, кончив последнюю вахту,
Мерцают вдали маяки.

Синеет высокое небо,
И солнце встает над водою.
Гонимые ветром проворным,
Туманы спускаются с круч.
Над городом в утреннем дыме
Пылает огромной звездю
В широких зеркальных витринах
Рассветный приветливый луч.

Мы снова на вахту выходим,
Плывем в голубое безбрежье,
В спокойное яркое утро,
В рассвет, что на море упал.
Мы видим, как по носу прямо
Дельфин заблудившийся режет
Спинным плавником заостренным
Ленивый шлифованный вал.

Мы в море уходим надолго,
И путь наш красив и завиден,
И мы ни о чем не жалеем,
И мы не грустим ни о ком.
И с нами прощается город,
Который мы снова увидим,
И машет нам берег весенний
Черемухи белым платком.

Свежеет погода, и ветер
В антенне назойливо свищет,
Туман наползает, и воет
У рифов тревожный ревун,
И чайки у берега кружат,

Садясь на пробитое днище
Кунгаса, что выброшен морем
На скалы в последний тайфун.

Но пусть поднимаются волны,
На палубу брызги роняя,
И ветер от края до края
Туман расстилает седой,
Мы к вахтам тяжелым привыкли,
Мы ночью и днем охраняем
И нашу весеннюю землю,
И наши сады над водой,

И город, поднявший высоко
Багряные трубы заводов,
И узкие тихие бухты
С хребтами по трем сторонам,
И зелень полей урожайных,
И наши просторные воды,
И все, что зовется Отчиной,
Что близко и дорого нам.

1941

Дорога отцов

Походным порядком идут корабли,
Встречая рассветные зори,
И круглые сутки несут патрули
Дозорную службу на море.
За мыс Поворотный до мыса Дежнёв
На север идти нам в тумане.

Для наших судов быстроходных не нов
Охранный поход в океане.
Но в годы былые здесь шли наугад
Корветы в далекое плаванье,
Здесь, тихо качаясь, спускался фрегат
На дно Императорской гавани.
Здесь Лаптевы морем и берегом шли
На север, в просторы седые,
И в тундре для них маяками зажгли
Эвенки костры золотые.
Шли прадеды наши в белесом дыму
Меж северных льдов и утесов
И мерли, цинготные, по одному,

И море собирало матросов.
И море доселе их прах бережет
В подводных вулканах, на лаве.
Сердца наши голос прадедовский жжет
Призывом к победе и славе.
Здесь Беринг великий в полуночной тьме
Покоится рядом с морями,
И ржавые ядра на низком холме
Недвижно лежат с якорями.
Шли наши отцы по высоким огням
Созвездий дорогою млечной,
Они оставляли моря эти нам
Во власть и наследство навечно.
И нашим судам по заливу одним
В походы идти на рассвете.
Путями отцов мы идем, и по ним
Суда поведут наши дети.

Летит за кормой одинокий баклан
И стаи проносятся чаек.
Идут корабли в голубой океан,
Зарю молодую встречая.
Мы знаем дорогу и ночью и днем,
Наш компас проверен отцами.
Мы древним путем в океане идем —
Путем, завоеванным нами.

Поэт

Умри, мой стих,
умри, как рядовой...

В. Маяковский

«Буржуйка» чадила опять нестерпимо,
Нисколько не грея, шипя и треща.
И копоть слоями лилового грима
Ложилась на лицах, бумагах, вещах.
В одиннадцать ночи принес телеграммы
С Восточного фронта рассыльный ему.
И сел он за стол,
Молчаливый,
Упрямый,
Почти задыхаясь в нависшем дыму.
И вот уже, ритма лоя нарастанье,
Приходит строка,
Беспокойна,
Строга,
И первые строфы прямым попаданьем
Ложатся в далеких окопах врага.
А следом в развернутое наступленье,

Для сабельных рубок,
Для конных погонь
Рисунки резервным идут подкрепленьем,
Открыв по противнику беглый огонь,
Весомые, злые...
Поднялся, сутулясь,
Ладонями стиснул пылающий лоб,
— Довольно!.. —
На стыке заснеженных улиц
Горел подожженный рассветом сугроб.
И легкие,
Будто бумажные клочья,
И яркие,
Будто агитплакат,
К востоку от вдаль уползающей ночи
Летели раскрашенные облака.
Москва просыпалась обычно и просто.
А в мутных витринах,
Грозны и крепки,
Вставали дежурными «Окнами РОСТА»
Стихов,
Рядовых и бессмертных,
Полки.

Следы

Если на глади морской воды
восстановить следы
всех кораблей,
сколько б морщин увидала ты
на ней!

Сколько при свете полночных звезд
вновь бы легло борозд
морю на грудь,
и каждое судно оставило б хвост
длинный, как Млечный Путь.
Но море счастливо. Никогда
следов не хранит вода,
даже на берегу.
А я одного твоего следа
с жизни стереть не могу!

Февраль 1941 г.

О волнах

Когда вечерет и закатное пламя
За морем вспыхивает реже и реже,
Ты видала, как волны припадают губами,
Розовыми и теплыми, к песку на побережье?
А когда над бухтой распустятся звезды
Пушистыми почками в вечер пахучий,
Слышала ты, как полнится воздух
Жалобой моря, что песок неуступчив?
Волны тоскуют легко и привычно,
Волнам не спится, волнам рокочется.
А песок молчит, и ему безразлично,
Очень ли морю на берег хочется.
Чуть шевелится, млея, огромное,
Будто не море, а заводь в корытце.
Но однажды вздрогнет, от страсти темное,
И берегу некуда будет скрыться.

И ты увидишь — такое близкое,
Оно налетит, громыхая, шалое,
Стиснет в объятьях, сомнет, и выласкает,
И уйдет, успокоенное и усталое.

Февраль 1941 г.

Лесовик

Он под вечер приехал, зашел, посидел,
Трубку выкурил, новости рассказал,
И никто не заметил, что он поседел,
Что опутали густо морщинки глаза.
Говорил о зверье, убегающем в тьму,
О повадках козуль, о забавах лисят
И мельком в разговоре сказал, что ему
По метрической выписи под шестьдесят.
Удивились ребята: — Да ты ведь старик,
Из тайги уходить бы пора по годам.
Не могу, — отвечает, — я к лесу привык,
Я родился, и жил, и состарился там.
И пока выручает тайга старика,
Коли выйдет кабан или прянет коза,
Не откажет винтовка, не дрогнет рука,
И про слух бы плохого никак не сказал.
— Ну, а хворь нападет от людей в стороне? —
Улыбнулся, прищурил с хитринкою глаз:
— Я, ребятки, кремневой породы, и мне
Умирать не от хвори придется, а враз.
И тогда в одночасье не станет кремня... —
Пошутил, даже песню с парнями пропел,